УДК 3.39; 9.929

DOI: 10.17223/2312461X/31/4

ФРАНЦ БОАС И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ: 25 ЛЕТ АМБИВАЛЕНТНОСТИ

Сергей Александрович Кан

Аннотация. Статья посвящена отношению «отца американской антропологии» Франца Боаса к Советскому Союзу и его взаимоотношениям с российскими/советскими коллегами. Используя как опубликованные источники, так и неопубликованную переписку, автор рассматривает следующую тематику: совместную работу и дружбу Боаса с В.И. Йохельсоном, Л.Я. Штернбергом и в особенности с В.Г. Богоразом; отношение Боаса к царскому и советскому режимам; его попытки создать регулярный обмен аспирантами между США и СССР и совместные научные проекты ученых двух стран. Статья показывает, что, хотя американскому антропологу и не нравились методы советских властей и идеологическое давление на науку (в том числе этнологию), он старался не критиковать СССР и ее ученых публично, а делать это частным образом. Причиной тому были либерально-социалистические взгляды Боаса и боязнь оказаться в лагере антикоммунистов. К концу жизни ведущего американского антрополога важную роль в его отношении к СССР сыграло сближение с Коммунистической партией США.

Ключевые слова: история этнологии, Ф. Боас, В.Г. Богораз, отношение американских ученых к СССР, сталинизм, Коммунистическая партия США, Вторая мировая война

Если взглянуть на огромную переписку Франца Боаса с учеными всего мира, то нельзя не заметить, что Россия и СССР занимали в ней довольно значительное место (ФБР). «Отца американской антропологии» явно интересовала политическая ситуация в этой стране. Еще более важным для него были многолетние научные и дружеские связи с такими ведущими российскими этнологами, как В.И. Йохельсон, Л.Я. Штернберг и в особенности В.Г. Богораз. Данная статья посвящена отношению Боаса к Советскому Союзу и его взаимоотношениям с российскими / советскими коллегами и научными учреждениями.

Мировоззрение Франца Боаса

Воспитанный в традициях немецкой революции 1848 г., Франц Боас (1858–1942) всю жизнь стоял на позициях либерализма, а в ряде вопросов и социализма. Для него были священны такие принципы, как социальное равноправие, политическая и интеллектуальная свобода и демократия, единство всего человечества и вера в социальный прогресс (Stocking 1992: 94–98; Hyatt 1990; Lewis 2001; Zumwalt 2019). В пони-

мании Боаса, эти принципы являлись основными в Конституции Соединенных Штатов Америки и, как ему казалось, их разделяло большинство граждан страны, куда он иммигрировал в 1887 г. Первым серьезным разочарованием для Боаса был разгул шовинизма и анти-немецких настроений в стране в годы Первой мировой войны (Liss 2015). Как отмечал Джордж Стокинг (Stocking 1992:103), в этот период либерализм Боаса приобрел «коллективистские» (т.е. социалистические) черты. Это означало, что он пришел к выводу, что демократические права и свободы отдельной личности должны были быть скоординированными с нуждами всего общества (The Shaping... 1974: 333). Иными словами, требования социальной справедливости были важнее прав и свобод индивидуума (Boas 1945: 162, 166). Неудивительно, что в президентских выборах 1918 г. Боас голосовал за кандидата Социалистической партии и что в течение ряда лет после этого был членом этой партии.

Боас и дореволюционная Россия

Принимая во внимание политические взгляды американского ученого, можно понять, почему он сочувствовал либеральной и левой оппозициям царскому режиму. Олицетворением этой оппозиции для него были бывшие народники В.И. Йохельсон и В.Г. Богораз, с которыми он познакомился в самом начале 1900-х гг., когда завербовал их для участия в знаменитой экспедиции Джексона (Gateways... 2001; Вахтин 2004, 2005; Jochelson, Bogoras and Shternberg... 2018; Krupnik 1998, 2018; Zumwalt 2019: 267–299). Уже в начале процесса организации работы экспедиции Боас столкнулся с препятствиями типичными для России той эпохи. Так, как оказалось, иностранные ученые еврейского происхождения должны были получить специальное разрешение властей для проведения этнографических исследований в России¹. Что касается самих Богораз и Йохельсона, то, как известно, местной сибирской полиции было предписано установить над исследователями негласный надзор (Вахтин 2005: 270; Zumwalt 2019: 285–286).

Нет сомнения, что во время своего пребывания в Нью-Йорке, пролившемся целый год, Богораз, который в отличие от Йохельсона не отошел от политической деятельности после сибирской ссылки, обсуждал освободительное движение в России, вновь активизировавшееся в начале 1900-х гг. (Михайлова 2004). Подобные разговоры Боас, по всей видимости, вел и с Л.Я. Штернбергом, с которым он познакомился в 1904 г. на международном съезде американистов в Штутгарте и который провел несколько месяцев в Нью-Йорке в 1905 г., изучая сибирскую коллекцию Американского музея естественной истории (AMNH)².

В декабре 1905 г., когда Боас получил телеграмму об аресте Богораза за участие в съезде Крестьянского союза, он обратился за помощью к директору Кунсткамеры (МАЭ) В.В. Радлову с просьбой содействовать освобождению ученого-революционера (Михайлова 2004: 113). Кроме того, Боас послал письмо американскому послу в России с просьбой помочь спасти полевые записи Богораза. Начиная с 1905 г. Боасу пришлось не раз напоминать Богоразу, что, несмотря на всю важность его политической деятельности, научная работа требовала более серьезно и непрерывного его внимания. Вот что писал Богораз своему американскому коллеге и другу весной 1905 г. в разгар Первой русской революции: «Боюсь, что Вы правы, и [поэтому] я чувствую себя виноватым в том, что так сильно игнорирую всех моих американских друзей. Но Вы должны понять, что нынешняя эпоха имеет место только раз во многие столетия... и потому мы против собственной воли отрываемся [от работы] потоком событий» (Bogoraz to Boas / 6/4/1906 / FBP)³. В ответ на такое сообщение Боас написал Богоразу следующее: «...если события, происходящие в данный момент, случаются только раз в сто лет, исследование чукчей Богоразом случается только раз в вечность, и потому я думаю, что Ваш долг перед наукой опубликовать результаты своих исследований... Хотя я разочарован тем, что Ваша работа не движется в более быстром темпе, я буду еще более разочарован, если это (политическая деятельность. – С.К.) станет причиной того, что Вы не будете сообщать нам о себе. *Ведь отвлекаясь от всех научных дел, мне очень интересно знать, что вы делаете*» (курсив мой. – С.К.). В конце 1910 – начале 1911 г., когда Богораз был вновь арестован и провел несколько месяцев в одиночной камере, Боас обратился к российскому министру юстиции с просьбой сократить срок ареста своего коллеги, а также разрешить ему иметь доступ в тюрьме к своим полевым записям. Кроме того, Боас организовал резолюцию Американской антропологической ассоциации, содержащей такую же просьбу. По-видимому, именно благодаря его вмешательству срок пребывания Богораза в заключении был сокращен (American Anthropological Association to Shtsheglovitov / 12/10/1910 / FBP; Bogoraz to Boas / 6/4/1911 / FBP).

С началом Первой мировой войны переписка Боаса с российскими коллегами практически прекратилась. Хотя непосредственных высказываний Боаса по поводу Февральской революции мне найти не удалось, тот факт, что он должен был положительно отнестись к свержению царизма, не вызывает сомнения.

Отношение же американского антрополога к большевистскому перевороту было более сложным. Думается, что в первые годы после него Боас, как и многие другие западные ученые, не очень хорошо представлял себе, что происходит в новой России. Тем не менее он, по-

видимому, возлагал определенные надежды на новый режим. Судить об этом можно по его ответу на письмо С.М. Широкогорова, в котором содержалась просьба о помощи в поисках работы в Америке. Боас писал российскому этнографу-эмигранту: «Я получил Ваше письмо от 10 мая. Однако нынешние условия здесь так безнадежны, что мне не ясно, как даже американский ученый может найти нужную позицию. Мне кажется, что единственной надеждой для Вас и Ваших коллег является признать ту элементарную силу, которая движет социальным развитием России, и постараться сделать все возможное, чтобы добиться более счастливого будущего [в своей стране]» (Boas to Shirokogoroff / 13/7/1920 / FBP).

Отношение Боаса к Советскому Союзу в 1920-х гг.

Наконец, в конце 1921 г. переписка Боаса с российской «этнотройкой» возобновилась (см. Boas to Jochelson / 9/11/1921 / FBP). Понимая, что материальное положение его российских коллег было очень тяжелым, Боас добился возобновления оплаты их работы над рукописями для публикаций Джезуповской экспедиции Американским музеем естественной истории⁴. Кроме того, он организовал посылку продовольствия и научной литературы для них. Российские этнологи были глубоко благодарны за помощь и счастливы возобновлению контакта со своим главным зарубежным коллегой. Вот как охарактеризовал их чувства Штернберг в письме к Боасу 20 июня 1922 г.: «Мой дорогой г. Боас. Я недостаточно хорошо владею английским языком, чтобы выразить то, как сильно тронули меня Ваша симпатия и память обо мне и моих друзьях гг. Богоразе и Йохельсоне. Дело даже не столько в материальной стороне дела – потому что наш опыт этих [последних] лет показал, что хотя иногда можно выжить и без достаточного количества еды, тепла и одежды, выжить без симпатии, без человеческих сношений, особенно научных, очень трудно» (Shternberg to Boas / 6/20/1922; фонд Штернберга / СПФ).

Осенью 1922 г. в Нью-Йорк прибыл Йохельсон со своей женой. Пожилой ученый пришел к выводу, что работать в советских условиях он больше не хочет и не может (Вахтин 2004). Нет сомнения, что Йохельсон поведал Боасу не только о материальных трудностях, переживаемых его российскими коллегами, но и о политической ситуации в стране, в том числе об аресте его и Штернберга в дни Кронштадтского восстания 1921 г. как бывших эсеров (Кап 2009: 291–292). Несмотря на это, судя по письмам Йохельсона Богоразу и Штернбергу, Боас продолжал симпатизировать новому советскому режиму, со многими обещаниями которого он не мог не согласиться⁵. Штернберг, который вместе с Богоразом встретился с Боасом после многолетнего перерыва на Международном конгрессе американистов в Гааге и Гётеборге в 1924 г., так

охарактеризовал его взгляды в письме жене: «Боас наш единомышленник. Что касается его социалистических взглядов, то он стоит на более радикальных позициях чем мы» (Л.Я. Штернберг С.А. Штернберг / 8/VIII/1924; фонд Штернберга / СПФ; Кан 2009: 328). В том же письме Лев Яковлевич упомянул, что на протяжении всего конгресса Боас демонстративно оказывал особое внимание двум советским делегатам. Интерес Боаса к Советскому Союзу подтверждается также тем, что дважды в 1920-е гг. он собирался туда приехать, хотя по каким-то причинам не смог этого сделать (Boas to Bogoras / 6/13/1923; FBP).

Во время конгресса Штернберг и Богораз обратились к Боасу с просьбой помочь им достать денег для их этнографических исследований. Желая посодействовать своим российским коллегам, а также беспокоясь о том, как они смогут закончить работу над рукописями для Джезуповской экспедиции, Боас отправил следующее письмо Джозефу Розену – сотруднику российского отделения Джойнта (American Jewish Joint Distribution Committee): «Хотелось бы упомянуть... что этим летом у меня состоялся долгий разговор с гг. Богоразом и Штернбергом и что я также очень хочу помочь им в это столь трудное для России время; что касается г. Богораз, то я пытаюсь помочь ему продолжать его важные научные исследования в центральной Сибири, в особенности среди сойотов» (Boas to Rosen / 9/11/1925; Rosen to Boas / 14/11/1925 / FBP). Судя по переписке Боаса с Розеном и с крупным банкиром Феликсом Варбургом, также связанным с Джойнтом, Боасу не удалось получить денег для российских этнологов. Более успешными были его попытки помочь Йохельсону: сам Варбург и по крайней мере еще один еврейский бизнесмен выделили небольшую сумму для поддержки этнолога-эмигранта (Boas to F. Warburg / 9/10/1924; F. Warburg to Boas / 14/11/1924 / FBP). В то же время супруга Розена помогала Боасу организовать пересылку научных книг и журналов в Россию (Rosen to Boas / 14/11/1924 / FBP).

Принимая во внимание такой взгляд Боаса на Советский Союз и на помощь российским ученым, понятно его членство в совете Американского общества культурных связей с Россией. Основанное во второй половине 1920-х гг., это общество, являвшееся филиалом Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), принимало активное участие в покупке и пересылке научной литературы в СССР, укрепляло культурные и научные связи между двумя странами. Одновременно оба эти общества вели советскую пропаганду в США (см. Boas to B. Ruml / 13/1/1925; Boas to Bogoraz / 25/2/1927 / FBP).

Нужно отметить, что Боас был не одинок в своем интересе и симпатии к Советской России. В 1920-х гг. в связи с экономической депрессией многих левых и либеральных американские ученые и деятели культуры привлекала советская социально-экономическая модель.

По словам одного американского историка, «По сравнению с дрейфом и стагнацией Америки в состоянии упадка, СССР выглядел великим и жизнеспособным социальным экспериментом» (Kuznick 1987: 107). Многие американские интеллектуалы, такие как, например, видный специалист в области философии и образования Джон Дьюи, посетившие Советский Союз в 1920-х гг., вернулись полные энтузиазма по поводу «великого эксперимента».

Попытки организации совместных научных исследований и обмена студентами

Начиная с середины 1920-х гг. Боас всерьез занялся планами организации совместных научных работ советских и западных ученых. Так, осенью 1925 г. после пребывания в Норвегии в Институте истории цивилизации Боас писал Богоразу: «Институт Истории Цивилизации, где я читал лекции, имеет несколько интересных планов, один из которых, мне кажется, заинтересует Вас. У них есть отдел, занимающийся изучением арктической этнологии... Нансен возглавляет его, и я имел с ним долгую беседу, в ходе которой я предложил, что было бы желательно, если бы он начал сотрудничать с Вами, а также с американскими учреждениями в целях проведения этнографического обзора всего циркумполярного региона. Я упомянул Ваше имя в разговоре с Нансеном, а также с директором Института проф. Ф. Стангом. Если это дело Вас интересует, я хотел бы, чтобы Вы написали проф. Ф. Стангу, сообщили ему о том, что я уже написал Вам, и попытались разработать этот план» (Boas to Bogoraz / 13/11/1925 / FBP). Неизвестно, написал ли Богораз Стангу, но из письма Боаса Богоразу, датированного 22 декабря 1927 г., явствует, что в это время норвежцы вели переговоры с Комитетом народов Севера о проведении совместной экспедиции на Кольском полуострове. К сожалению, из-за невыполнимых условий, поставленных советской стороной, из этих планов ничего не вышло (Boas to Bogoraz / 22/12/1927; Stang to Boas / 31/3/1928 / FBP).

Еще одна попытка организовать совместные этнографические исследования была предпринята Боасом и Богоразом на Международном конгрессе американистов в Нью-Йорке в сентябре 1928 г. На этот раз инициатором переговоров выступил Богораз. Поскольку к этому времени советское государственное финансирование этнографических экспедиций значительно увеличилось, советский ученый уже не выступал в роли просителя. Как мне приходилось писать об этом ранее, «из патристических чувств или из страха быть обвиненным в заигрывании с иностранцами Богораз жестко отклонил все предложения, сделанные западными коллегами по финансированию и проведению совместных исследований на советской территории. В конце концов было решено,

что ученые будут проводить исследования в своих собственных странах и при этом участвовать в иностранных экспедициях в качестве гостей» (Кан 2007: 214; см. также: Корсун 2015: 287–290). Одновременно с обсуждением совместных научных исследований Боас и Богораз обсудили возможность обмена аспирантами.

Сразу после конгресса Боас поделился своими обширными планами с Богоразом. Его интересное письмо стоит привести целиком:

Сегодня я отправил письмо, подписанное проф. Дагганом⁶, Вами и мной и адресованное целому ряду научных учреждений в России и двум-трем фондам в этой стране, по поводу необходимости установить научное сотрудничество (между США и СССР. – С.К.), в особенности в области этнологии...

Я хотел бы получить от американских фондов как можно больше стипендий... для американских этнологов, которые должны пробыть в России настолько долго, чтобы быть в состоянии читать русскую научную литературу и ознакомиться с проблемами сибиреведения, которые совершенно необходимы для ясного понимания этнологии севера Северной Америки.

Все это относится также и к российским этнологам и мне бы хотелось, чтобы из них несколько посетили эту страну. Для начала я хочу попробовать получить хотя бы одну стипендию для молодого российского этнолога. Я планирую, чтобы он провел достаточно времени в каком-нибудь университете Восточного побережья, чтобы ознакомиться с нашими методами, а затем я хотел бы послать его на Аляску с целью проведения глубокого изучения тлинкитов, которое никогда не было сделано. Это кажется мне особенно необходимым в виду того, что большая и ценная коллекция (по тлинкитам. – С.К.) Музея Академии Наук в Ленинграде должна быть подробно обработана. В тоже время тот, кто будет изучать ленинградскую коллекцию, должен быть знаком с нью-йоркской коллекцией, являющейся, наверное, самой большой существующей коллекцией по Аляске⁷. Выбранный человек должен иметь хорошее лингвистическое образование, чтобы с точностью записывать тексты. Особенно важно, чтобы он был знаком с музыкальными тонами, которые являются очень важным элементом тлинкитского языка.

Я могу заверить Вас прямо сейчас, что деньги на аляскинскую экспедицию, вероятно от \$1,200 до \$1,500, будут найдены. Я не могу точно обещать, что достану стипендию, но сделаю все, что в моих силах, чтобы ее добиться.

Я надеюсь, что Вы приложите все усилия, чтобы этот план реализовался и выберете российского ученого, мужчину или женщину, который был бы достаточно компетентен, чтобы провести предполагаемые исследования.

Если этот план удастся, я бы хотел, чтобы российские ученые провели исследования племен внутренней Аляски и внутренней Британской Колумбии. Такие исследования очень нужны, и они смогут пролить свет на проблемы сибирской этнологии, так же как последние должны помочь нам в понимании проблем американской этнологии.

Решение Ваших и наших проблем возможно только при постоянном сотрудничестве (Boas to Bogoraz / 24/11/1928 / FBP; см. также Boas to Bogoraz / 2/25/1927; Bogoraz to Boas / 4/10/1927 / FBP).

Хотя большая часть планов Боаса, изложенных в этом письме, не реализовалась, небольшой обмен студентами все же состоялся⁸. С советской стороны в конце 1929 г. в США поехала Ю.П. Аверкиева, а с американской – индеец из племени не-персе Арчи Финней, который был прикреплен к МАЭ и пробыл в Ленинграде с конца 1932 г. до середины 1937 г. (см. ниже). Аверкиева также оказалась единственным советским этнографом, кому посчастливилось участвовать в полевой работе в США, да еще и под руководством самого Боаса (Нитобург 2003; Кузнецов 2018).

Среди контактов Боаса с советскими учеными необходимо упомянуть и его рекомендательное письмо от 4.6.1928 г. в поддержку кандидатуры Богораза в члены Академии наук (Боас Ольденбургу / 4/6/1928; СПФ, фонд Богораза). В той же папке, где хранится этот документ, мною обнаружено неподписанное письмо некоего доброжелателя Богораза или самого Богораза, поясняющее, почему эта рекомендация так важна. Боас представлен в письме не только как ведущий специалист-этнолог, но и как прогрессивный ученый, имевший смелость выступить против вступления США в Первую мировую войну, а также против использования антропологических исследований для прикрытия шпионской деятельности в Мексике. Неудивительно, что там также упоминается поддержка Боасом социалистической партии. И, наконец, его рекомендация истолковывается как пример сочувственного отношения к СССР, существующего среди «лучших представителей науки и интеллигенции» (Там же)⁹.

Боас и СССР в 1930-х гг.

Как известно, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. политическая ситуация в СССР резко изменилась к худшему. Изменилась и ситуация в гуманитарных науках, в том числе в этнологии (Соловей 2001; От классиков... 2014). Начиная с пресловутого совещания этнографов Москвы и Ленинграда в апреле 1929 г., кампания по укоренению марксизма привела к постепенному усилению догматизма в этнологии и давлению на маститых ученых, оказываемому более молодыми догматиками (От классиков... 2014)¹⁰. Постепенно эволюционная схема, разработанная Энгельсом на основе работ Моргана, становилась той догмой, которой должны были следовать все советские ученые. Одним из старых этнологов, подвергшихся этому давлению, оказался Богораз, которому пришлось заняться самокритикой и пересмотреть свои этнографические материалы по чукчам в свете советского марксизма (От классиков...

2014; Корсун 2015: 295–299). В начале 1930-х гг. этнографические работы Штернберга, Йохельсона и Богораза были раскритикованы как «мелкобуржуазные» и «народнические». Резкой критике подверглась и американская этнология в целом и школа Боса в частности. Так, например, резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 1932 г. вынесла такой приговор «мелкобуржуазной» американской науке: «Ведущую роль в американской этнографии играет эмпиризм, агностицизм и эклектизм (Боас, Лоуи, Кробер), что представляет собой шаг назад по сравнению с материалистическими трудами Моргана» (Резолюция 1932: 11).

Боас был осведомлен об изменениях в идеологическом климате СССР и их влиянии на этнологию. Во-первых, кое-что о ситуации в Стране Советов он узнавал из американских газет. Во-вторых, ему переводили статьи из «Советской этнографии»¹¹. В-третьих, какую-то информацию по этому вопросу он получал от Йохельсона и долго проживших в Ленинграде А. Финнейя и этнографа Р. Бартон¹². И, наконец, в-четвертых, намеки на эти «новые веяния» содержались в письмах к нему Богораза. Сам факт, что в 1930 г. Богораза не пустили на Международный конгресс американистов в Гамбурге, о чем он намекнул в письме к Боасу, пользуясь эзоповым языком, говорил сам за себя. Вот что писал по этому поводу Богораз своему американскому другу.

Дорогой друг

С сожалением я должен сообщить, что не смогу приехать в Гамбург... Произошла какая-то загвоздка, о характере которой мне трудно что-либо сказать... Вы понимаете, что я пишу не официально и только для Вас лично. Официальная же информация по этому делу, если такая будет, должна прийти от учреждения, которое я должен был представлять...

Более того, я не знаю, как я теперь смогу иметь возможность без конгресса американистов ездить за границу и встречаться с моими американскими и французскими друзьями...

С другой стороны, с востока дует ветер, который может весьма неожиданно подхватить человека и перебросить его против его воли даже до самой Америки (Bogoras to Boas / 5/9/1930; FBP).

Как мне кажется, Богораз намекал здесь на то, что он, возможно, покинет СССР то ли по собственной воле, то ли будучи высланным. Каково же должно было быть удивление Боаса, когда из письма, полученного им от Богораза двумя месяцами позже, он узнал, что тот не исключает, что ему придется вступить в Коммунистическую партию (Bogoras to Boas / 16/9/1930 / FBP). Еще одно письмо Богораза 1930 г. содержало следующий намек на трудности, которые он испытывал и которые заставляли его подумывать или об отъезде, или о вступлении в компартию: «...мое положение постепенно меняется. В целом я пере-

живаю период заката, похожего на то, что Вы переживали в Музее естественной истории¹³. Мои молодые друзья стараются забрать все в свои руки. Конечно, качество работы во всех учреждениях, основанных Штернбергом и мной, идет вниз...» (Bogoras to Boas / 26/12/1930; FBP). В ответ на это Боас написал другу следующее: «Я очень надеюсь, что ситуация в вашем учреждении сможет улучшиться по сравнению с нынешней. Я не думаю, что нужно уступить людям, не имеющим достаточного опыта» (Boas to Bogoraz / 28/1/1931; FBP).

Еще более яркое представление о том сильном идеологическом давлении, которое испытывал Богораз и его коллеги, Боас получил в 1933 г., когда в *Советской этнографии* вышел перевод его статьи «Задачи антропологического исследования» с предисловием Богораза. Сам факт того, что в это трудное время Богораз по-прежнему пытался поддерживать контакт с западными учеными и издавать их труды в СССР, говорил в его честь. Однако комментарии, которыми он сопровождал статью Боаса, выглядели весьма странно. Вот они:

Эмпирическая школа этнографии, возглавляемая Боасом и другими американскими учеными, с одной стороны, заявляет себя аполитичной... а с другой, она хотела бы сохранить свой либерализм. Но все же она попала в тупик и запуталась в своих противоречиях. Эти противоречия вытекают из классовых противоречий, хотя Боас и его друзья не упоминают самого слова 'классы'. В лучшем случае эмпирически-скептическая школа является вроде *quantité négligeable*, чем-то почти невесомым в той ожесточенной классовой борьбе, которая ныне разгорается с небывалой яркостью во всех отраслях общественной жизни, начиная с баррикадного боя и кончая полемикой на страницах спокойных и толстых 'трехмесячников'» (Богораз 1933: 193).

Подобного рода критика не могла не оскорбить Боаса, тем более что он понимал, что исходит она не от одного лишь Богораза, пытавшегося таким образом протащить важную работу своего коллеги в советский этнографический журнал, а от всего советского этнологического истеблишмента. Так, например, в редакционной врезке, написанной, скорее всего, директором Института антропологии и этнографии (созданном незадолго до того) Н.М. Маториным, автор предупреждал Боаса не следовать по «опасному пути эмпиризма и скепсиса» (Аноним 1933: 176).

О том, что Боас был хорошо осведомлен о подобной критике, говорит, например, одно его письмо 1939 г. В нем он писал: «...из-за моей постоянной защиты интеллектуальной свободы меня подвергли остракизму... российские ученые в 1932 г.» (Boas to Schneiderman / 15/5/1939 / FBP). В другом он указывал на то, что в СССР «в антропологии нет свободы. Антропология должна быть марксистской и морганистской, иначе она не разрешается» (Boas to Rautenstrauch / 2/2/1939; FBP).

Несмотря на такую критику, советские этнологи продолжали относиться к Боасу с симпатией, рассматривая его как «уважаемого друга Советского Союза» и «мужественного противника империалистической войны» (Аноним 1933: 176). Боас же в свою очередь продолжал симпатизировать идеалам советского государства и уклонялся от публичной критики сталинского режима и советской этнологии. Так, например, в 1931 г. он согласился войти в оргкомитет открытого просоветского Американско-русского института (American Russian Institute), а в 1933 г. вступить в комитет Признания Советской России (G. Counts to Boas / 21/4/1931, Boas to G.Counts / 12/5/1931 / FBP; *New York Times* / 23/3/1933), в 1935 принял участие в фештшрифте Богораза, напечатанном в *Советской этнографии*, а в 1936 г. позволил включить свое имя в список леволиберальных сторонников отправки в Биробиджан так называемой Делегации американских евреев (American Jewish People's Delegation), организованной Американской организацией еврейской колонизации в России (American Organization for Jewish Colonization in Russia), в которой преобладали коммунисты (Firben to Boas / 8/4/1936; Boas to Firben / 11/4/1936; FBP). Кроме того, в эти годы Боас получил запрос от главы организованного в 1930 г. Института народов Севера Я. Кошкина (Алькора) на публикацию русского перевода его работы «Введение в изучение языков американских индейцев» научным отделением института. Боас был польщен и согласился (Koshkin to Boas / 20/1/1933; Boas to Koshkin / 10/2/1933 / FBP).

В то же время в частной переписке он иногда позволял себе критические высказывания о Советской России, правда, смягчаемые положительными оценками ее социалистических идеалов. Так, например в письме к Аверкиевой, датированном 1933 г. (лето) Боас писал: «То давление изнутри, которое происходит сейчас в Германии, должно быть весьма похоже на ситуацию у вас. Но большая разница состоит в том, что ваши идеалы, это гуманные идеалы, которым я симпатизирую, а идеалы Германии полны нетерпимости и ненависти» (Boas to Averkieva / 16/7/1933; FBP)¹⁴.

Такая амбивалентность во взглядах на Страну Советов отразилась и в том, как американский антрополог реагировал на приглашения со стороны советских органов печати и учреждений высказать свое мнение о Советском Союзе. Так, например, когда американский корреспондент «Правды» попросил его высказаться по поводу СССР в связи с празднованием пятнадцатилетней годовщины Октября, Боас ответил следующее: «Человечество может только поучиться тому, что вы делаете. Ваш великий эксперимент заслуживает поддержки». Однако в том же послании он подчеркнул, что «догматизм, будь он капиталистический или коммунистический, не может сосуществовать с поисками правды» (Boas to Olgin / 5/11/1932 / FBP). Четырьмя годами позже, от-

вечая на вопросы анкеты, присланной ему главой ВОКСА и посвященной положению науки в разных странах, американский ученый охарактеризовал ситуацию в СССР следующим образом: «Мне кажется, что в СССР существуют ограничения свободы научных изысканий» (Boas to Cherniavsky / 2/1/1936 / FBP). В 1937 г. Боас отказался прокомментировать состояние высшего образования и науки в СССР, подчеркнув, что он «не поддерживает абсолютную предвзятость, которую требуют от науки [в СССР]» (Boas to Hirsch / 25/10/1937 / FBP). А еще годом позже в своем «Кредо антрополога», напечатанном в журнале «Nation», Боас назвал «современными деспотическими государствами» и фашистские Германию и Италию, и Советскую Россию (Boas 1938: 204).

Тщательно просмотрев архив Боаса, я смог обнаружить только один случай, когда глава американских антропологов выразил протест против преследования советских ученых. Произошло это в 1936 г., когда он обратился к послу СССР в США А.А. Трояновскому со следующей телеграммой, за которой последовало письмо. Телеграмма гласила: «Прошу подтвердить сообщение в Нью-Йорк Таймс о том, что конгресс генетиков в Москве отменен и что Вавилов и Агол арестованы» (Boas to Troyanovsky / 14/12/1936 / FBP). Письмо Боаса на ту же тему стоит процитировать полностью.

Господин,

Вчера я взял на себя смелость послать Вам телеграмму, в которой запросил, действительно ли международный конгресс генетиков отменен.

Должен предварить мое письмо заявлением, что я согласен с точкой зрения г. Лысенко относительно теории генов и сожалею о перегибах, в которых повинны многие из некритических последователей теорий Менделя. Тем не менее, никто не может отрицать ценность фактических данных, собранных [генетиками]. Однако эти исследования должны сопровождаться параллельными исследованиями влияния окружающей среды, какие проводит Л.Я. Боссик над идентичными близнецами в Медицинско-Биологическом Институте им. Максима Горького.

Мы должны понять относительную важность наследственности и влияния окружающей среды. А достичь этого можно только в процессе максимально свободной дискуссии научных фактов. У нас в стране существуют фанатичные генетики, препятствующие публикации данных, противоречащих их теориям. В СССР таких примеров нет. В конечном счете не одна теория не устоит перед фактами.

Было бы очень желательно, чтобы конгресс пригласил как можно больше противников современных генетических теорий и [смог] гарантировать, чтобы их взгляды и противоположная точка зрения были представлены и обсуждены. Это было бы гораздо более полезно, чем отменять важный конгресс.

Мне даже не стоит говорить о том, что не существует более сильного врага псевдонаучных теорий нацистов чем я, который посвятил себя в

течение нескольких лет тому, чтобы доказать, что их теории не имеют научной базы. Я был несколько задет словами редактора 'Советской этнографии', написанными как предисловие к замечаниям моего дорогого умершего друга Богораз-Тана....

Пожалуйста, извините это свободное изложение моей точки зрения, которую я высказываю в надежде предотвратить серьезнейшую ошибку (Boas to Tryanovsky / 15/12/1936 / FBP).

Письмо Боаса интересно тем, что, с одной стороны, он безусловно очень хотел защитить советских генетиков от преследования и спасти генетический конгресс, а с другой, очень старался показать свою научную объективность, критикуя «фанатичных» американских генетиков, с которыми он расходился во мнении. Помимо этого, он явно хотел подчеркнуть, что несмотря на несправедливую критику, которой его подвергла «Советская этнография», он является прогрессивным ученым и антифашистом, разделяющим отрицательное отношение советских ученых к нацистским расовым теориям.

Меньше чем через неделю Боас получил ответ от советского посла в виде следующей телеграммы, «Информация, о которой Вы сообщили не верна. Профессор Вавилов не был арестован. Агол же арестован за нелегальную деятельность, не имеющую отношения к научным делам. Конгресс генетиков не отменен, а отложен по просьбе ряда ученых, которые хотят иметь больше времени на подготовку» (Trojanovsky to Boas / 21/12/1936 / FBP). За исключением сообщения о том, что Вавилов не был арестован, в телеграмме Трояновского нет и доли правды¹⁵. Намечавшийся в 1937 г. VII конгресс генетиков бы отменен советским правительством, а настоящей причиной ареста И.И. Агола были его научные взгляды генетика-морганиста.

Столь же противоречиво было поведение Боаса по отношению к Американскому комитету в защиту Троцкого (American Committee for the Defense of Leon Trotsky), организованному в 1936 г. группой либералов, социалистов и троцкистов во главе с Д. Дьюи в связи с советскими обвинениями, направленными против самого Троцкого, и показательными процессами так называемых троцкистов (Spitzer 1990; Bullert 1983: 132–136; Wald 1987: 128–139). В 1937 г. этот комитет создал специальную комиссию, целью которой было подробное рассмотрение этих обвинений. Несколько членов комиссии провели недельные слушания в Мехико, где проживал Троцкий. Комиссия отвергла все обвинения против Троцкого, а процессы троцкистов объявила «гигантской фальсификацией». Несмотря на то что Боас был согласен с решениями комиссии, он принимал лишь поверхностное участие в ее работе. Более того, он не захотел, чтобы его имя было использовано в более широком протесте против произвола советских властей. Так, когда *Нью-Йорк Таймс* сообщила 2 марта 1938 г., что группа американских

либералов, включая членов Комитета в защиту Троцкого, заявила советскому послу, что считает предстоящий процесс Рыкова–Бухарина фальсификацией, осторожный Боас поспешил отмежеваться от этого заявления. Вот, что он написал в *Таймс*: «Отмечая, что в вашей газете от 2 марта написано, что группа Дьюи, включая... проф. Боаса, охарактеризовала новый советский процесс как фальсификацию, я должен заявить что, не будучи в курсе внутренней советской политики, я такого заявления не делал и даже не был приглашен его сделать» (Boas to *New York Times* / 3/3/1938 / FBP).

Поведение Боаса было мотивировано боязнью оказаться заодно с антисталинскими антикоммунистами, даже когда последние представляли собой леволиберальное крыло американской интеллигенции (Bullert 2009, 2013). Так, например, он отказался войти в Комитет свободы культуры (Committee for Cultural Freedom), организованный в 1939 г. тем же Дьюи и бывшим марксистом-философом Сиднеем Хуком и привлечший как либералов, так и левых антисталинистов. Целью комитета было осуждение любых форм авторитаризма и диктаторства, включая советские (Hook 1987: 248–274; Bullert 2013).

В целом политическая активность Боаса в 1930-х была направлена на борьбу с немецкой идеологией расизма и ущемлениями демократии в США, а не на критику Советского Союза. В этой борьбе он готов был сотрудничать с кем бы то ни было, и в том числе с Коммунистической партией. Особенно беспокоили Боаса нападки правых политиков на свободы, которыми пользовались школьные учителя и университетские профессора. Для борьбы с этим явлением он стал одним из инициаторов, а также главой организованной в конце 1937 г. Университетской федерации за демократию и интеллектуальную свободу Колумбийского университета (University Federation for Democracy and Intellectual Freedom at Columbia University). С точки зрения Боаса и других членов этой федерации, главную опасность в тот момент представлял фашизм в Испании, Германии, Италии и до некоторой степени даже в Соединенных Штатах. Ввиду этого федерация лоббировала конгресс против проведения антидемократических законов, например за отмену эмбарго на оружие для республиканской Испании и т.д. В начале 1939 г. эта организация послужила основой более многочисленного и амбициозного Американского комитета за демократию и интеллектуальную свободу (American Committee for Democracy and Intellectual Freedom / ACDIF), которую тоже возглавил Боас. ACDIF, состоявший в основном из научных работников, был детищем Боаса и главной общественной организацией, в работе которой он принимал участие в 1939–1942 гг. Как отмечает Буллерт, ACDIF собрал более 2 тыс. подписей под манифестом, осудившим фашизм как угрозу демократии, но при этом даже не упомянул о преступлениях Сталина (Bullert 2009: 223)¹⁶.

Постепенно деятельность Боаса и организаций, в которых он принимал участие в эти годы, ограничилась защитой демократии в США. Таким подходом Боас оправдывал тот факт, что ни ACDIF, ни другие организации, с которыми он был связан, не ставили своей целью осуждать нарушения законности в СССР. Так, например, в письме Дьюи от 06.11.1939 г. он писал, что при нынешней международной ситуации трудно оказывать влияние на зарубежные правительства и поэтому он решил посвятить себя борьбе за защиту демократических прав только в США (цит. по: Kuznick 1987: 221; ср.: письмо Боаса Ральфу Химстеду от 1.6.1939; Boas to Himstead / 1/6/1939 / SHP). Такого рода аргументы Боаса не кажутся искренними, так как до 1939 г. он часто выступал с осуждением юридических злоупотреблений нацистского и других ультраправых режимов.

Боас и Коммунистическая партия США в 1939–1942 гг.

В своей правозащитной деятельности последних трех лет жизни Боас нередко вступал в союз не только с социалистами, но и с коммунистами. При этом он был не согласен с их методами политической борьбы. Оправдывал он свой подход к коммунистам чисто прагматически. Позицию свою он четко выразил в статье «Образование и демократия», опубликованной в 1939 г.: «Мне всегда казалось, что если я согласен со взглядом человеком на определенное дело, в котором мы хотели бы сотрудничать, его политические, религиозные и социальные взгляды на другие вопросы не имеют для меня значения» (Boas 1945: 202). Согласно секретарю Боаса Э. Голдфрэнк, он однажды сказал ей: «Я готов сотрудничать с любым человеком, который борется за то же, что и я» (Goldfrank 1978: 117). А вот что писал Боас главе Компартии Эрлу Браудеру в ответ на его поздравление с днем рождения: «Как бы серьезно я был не согласен с методами Вашей партии и требованием полного послушания ее членов, я признаю, что конечные идеалы Вашей партии это возвышенные идеалы [социального прогресса]» (Boas to Browder / 17/5/1941 / FBP)¹⁷.

Усилением влияния коммунистов на стареющего Боаса объясняется, на мой взгляд, его острая критика вмешательства Соединенных Штатов во Вторую мировую войну на стороне Союзников¹⁸. Так, совершенно неожиданным для многих коллег и почитателей Боаса было его нежелание критиковать пакт Молотова–Риббентропа, который так резко оттолкнул от американской компартии многих интеллектуалов, возмущенных тем, как быстро американские коммунисты перестали атаковать фашистскую Германию и начали пропагандировать неучастие США в «империалистической войне» (Lyons 1971: 242–254; Jonas 1966; Walker 1973; Doenecke 2000). Из-за своих левых взглядов на СССР Боас явно не до конца осознал

истинную цель этого пакта. Вот что писал он своей бывшей ученице и коллеге Р. Бенедикт через два месяца после заключения пакта: «Мне более или менее ясно, что Гитлер теперь является пешкой в руках Сталина и что Сталин хочет, чтобы Западная Европа и Германия истекли кровью [bleed to death]. Вот только я не знаю, хочет ли он этого ради укрепления своей власти или ради коммунизма» (цит. по: Mead 1959: 413)¹⁹.

Антивоенная позиция Боаса была четко выражена в его поддержке резолюции, представленной и обсуждавшейся в ноябре 1939 г. на собрании исполнительного комитета ACDIF. Среди прочего она гласила, что «война угрожает уничтожить интеллектуальную свободу и права свободных людей как в нейтральных, так и в воюющих странах» (Kuznick 1987: 224). Поставленная на голосование, резолюция прошла шестью голосами против двух. Среди шести был и Боас (224). Так как многие рядовые члены ACDIF не согласились с этой открыто пацифистской резолюцией, она сильно подорвала единство членов этой организации (224). В своей оппозиции вступлению Америки в войну на стороне Союзников Боас пошел еще дальше: несмотря на многолетнюю критику гитлеровского режима, он поддержал роспуск Американского комитета против нацистской пропаганды, согласившись с главой этой организации, что «при нынешней международной ситуации необходимо сохранять нейтралитет» (A. Kahn to Boas / 26/4/1940 / FBP). Напрашивается вопрос, что стало с непримиримым врагом нацизма?!

Конечно, Боас был не единственным, кто придерживался такого мнения. Не только коммунисты, но и многие социалисты и другие левые выступали против вмешательства США в европейский конфликт, тем самым невольно солидаризируясь с более многочисленной и влиятельной группой правых противников войны (Jonas 1966; Doenecke 2000). Только после падения Франции и захвата Германией и ее союзниками большей части Европы, американский антрополог признал, что участие Америки в войне неизбежно, и призвал к тому, чтобы Союзники пообещали в случае поражения Германии не навязывать ей «мстительный мир» (Boas 1940). В то же время многие бывшие единомышленники Боаса среди американской интеллигенции осудили его позицию и резко критиковали альянс ACDIF с коммунистами и другими антивоенными группами (см., напр.: New York Times. 22/5/1940).

Только после того, как Германия напала на Советский Союз, Боас резко изменил свою позицию и стал призывать не только к тому, чтобы Америка оказывала материальную помощь и Великобритании и СССР, но и чтобы она немедленно вступила в войну на их стороне (см.: New York Times 28/7/1941, 10/10/1941)²⁰. Как писал Д. Стокинг, «какую бы амбивалентность не выражала эта [антивоенная] позиция, после нападения нацистов на Советский Союз, а затем Перл Харбор²¹, Боас избавился от нее. Поддерживая борьбу против гитлеризма, он смог теперь объеди-

нить свою преданность общечеловеческим идеалам, несовершенно воплощенным в американской политической демократии, советском социализме, и классической немецкой культуре (Stocking 1992: 109–110).

Заключение

«Амбивалентность», на мой взгляд, достаточно точно характеризует отношение Франца Боаса к Советскому Союзу. Хотя ему и не нравились «силовые методы» советских властей и идеологическое давление на науку (в том числе этнологию), он старался не критиковать СССР и ее ученых публично, а делал это частным образом. Причиной тому были либерально-социалистические взгляды Боаса, боязнь оказаться в лагере антикоммунистов и нежелание подвергнуть опасности с таким трудом установленные и поддерживаемые научные контакты между двумя странами. К концу жизни ведущего американского антрополога важную роль в его отношении к СССР сыграло сближение с Коммунистической партией США.

Примечания

¹ Речь шла об участнике Джезуповской экспедиции американце Бертольде Лауфере.

² Хотя в отличие от Богораза Штернберг не занимался открытой политической деятельностью после сибирской ссылки, но поддерживал тайные контакты с членами эсеровской партии, чью идеологию он разделял (Кан 2009: 144–153).

³ Все переводы с английского автора данной статьи.

⁴ В середине 1900-х гг. Боас пригласил Штернберга подготовить монографию о нивхах для Джезуповской серии (см.: Shternberg 1999).

⁵ Боас был не в восторге от приезда Йохельсона в Штаты, так как боялся, что не сможет помочь пожилому этнологу найти достойную и прилично оплачиваемую работу. Такая работа, вернее несколько временных работ, в конце концов нашлась, но тем не менее жизнь Владимира Ильича на Западе оказалась весьма нелегкой (см.: Вахтин 2004).

⁶ Стивен П. Дагган (Stephen P. Duggan) был американским ученым и ярким поборником международного сотрудничества, в том числе научного. В 1920-х гг. он возглавлял Институт международного образования (Institute of International Education) и Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations).

⁷ Речь идет о глиняной коллекции Американского музея естественной истории.

⁸ Вернувшись в конце 1928 г. в СССР из Нью-Йорка, Богораз привез пять приглашений для советских студентов продолжить свое образование и специализироваться в Америке. Однако по финансовым или каким-то другим причинам Аверкиева оказалась единственной советской студенткой, поехавшей в Америку (Нитобург 2003: 401; Кузнецов 2018: 54).

⁹ Как известно, кандидатура Богораза в Академию не прошла.

¹⁰ Одновременно с началом «марксизации» этнологии в 1929–1930 гг. произошла чистка Академии наук, в результате которой многие старые специалисты, в том числе этнологи и музейные работники, остались без работы, а некоторые были арестованы.

¹¹ Один из зятьев Боаса был выходцем из России.

¹² Через несколько лет после своего возвращения в Штаты в 1937 г., Бартон в письме к Боаса подробно описал похороны Богораза, у гроба которого его коллеги критиковали его немарксистские взгляды (Barton to Boas / 17/11/1940 / FBP).

¹³ Речь идет о конфликте Боаса с руководством AMNH в 1905 г.

¹⁴ О том, что в 1930-х гг. Боас продолжал оставаться социалистом, свидетельствует тот факт, что во время президентских выборов 1936 г. он голосовал за социалистического кандидата, а также то, что в интервью американской коммунистической газеты он сказал, что «социализм это единственный способ защитить демократию и интеллектуальную свободу» (цит. по: Kuznick 1987: 209).

¹⁵ Вавилов был арестован в 1940 г.

¹⁶ Такого рода одностороннее осуждение нарушений законности в зарубежных странах было типично для многих левых организаций США 1930-х гг. Так, например, Национальный комитет защиты политических заключенных (National Committee for the Defense of Political Prisoners), основанный в 1931 г. и тесно связанный с Коммунистической партией, видел своей целью в первую очередь защиту арестованных американских трудящихся, а также политзаключенных Германии, Италии и франкистской Испании, но не сталинской России. Несмотря на такой подход комитета к защите невинно арестованных и осужденных, Боас состоял в его рядах и вышел из него только в 1934 г. под давлением со стороны видного философа Горация Каллена (Kallen to Boas 18/12/1934; Boas to Alfred Hirsch / 15/1/1935 / FBP; Bullert 2009: 217–218).

¹⁷ Интересно, как бы реагировал Боас, если б узнал, что Браудер занимался шпионажем в пользу СССР (Romerstein and Breindel 2001).

¹⁸ Пацифизм Боаса имел, безусловно, и другие причины. Так, он явно рассматривал Вторую мировую войну через призму Первой, когда обе воюющие стороны преследовали империалистические планы. Рассматривая Версальский мир как одну из причин прихода Гитлера к власти, он очень не доверял Союзникам, и в особенности англичанам. Кроме того, он очень боялся, что в воюющей Америке начнется ущемление демократических свобод (Nyatt 1990: 147–148).

¹⁹ В письме к своему наставнику, написанном месяцем раньше, Бенедикт выразила похожую точку зрения: «Я только сегодня узнала, что Россия получила большую часть Польши, и меня обнадеживает то, что Россия, а не Германия, командует парадом [holds the whip hand] в российско-германских отношениях» (Benedict to Boas / 26/9/1939 / FBP).

²⁰ В 1941–1942 гг. Боас несколько раз посылал приветствия советскому народу, борющемуся с нацистской Германией (см., например: Boas to TASS / 25/12/1941 / FBP).

²¹ То есть нападения Японии на США.

Литература

- Аноним. От редакции // Советская этнография. 1933. № 4–5. С. 176.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / ред. Д. Арзютов, С. Алымов, Д. Андерсон. СПб.: Кунсткамера, 2014.
- Богораз В. Замечания к статье Франца Боаса // Советская этнография. 1933. № 3–4. С. 189–193.
- Вахтин Н. «Наука и жизнь»: судьба Владимира Йохельсона (По материалам его переписки 1897–1934 гг.) // Bulletin: Anthropology, Minorities, Multilingualism. 2004. № 5. Р. 35–49.
- Вахтин Н. Тихоокеанская экспедиция Джесупа и ее русские участники // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 241–274.
- Кан С. «Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса»: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 191–230.
- Корсун С. Американистика в Кунсткамере (1714–2014). СПб.: МАЭ РАН, 2015.
- Кузнецов И. «Последняя экспедиция» (из истории русско-американского сотрудничества в изучении коренных малочисленных народов) // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 53–69. DOI: 10.7868/S0869541518030053

- Михайлова Е. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 95–136.
- Нитобург Э. Ю.П. Петрова-Аверкиева: ученый и человек // Репрессированные этнографы / ред. Д.Д. Тумаркин. М., 2003. Вып. 2. С. 399–428.
- Резолюция всероссийского археолого-этнографического совещания // Советская этнография. 1932. № 3 (11).
- Соловей Т. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 101–121.
- Boas F. An Anthropologist's Credo // Nation. 1938. № 147. P. 201–204.
- Boas F. Britain's War Aims? // PM. 4/10/1940. P. 2.
- Boas F. Race and Democratic Society. New York: J.J. Augustin, 1945.
- Bullert G. The Politics of John Dewey. New York: Prometheus Books, 1983.
- Bullert G. Franz Boas as Citizen-Scientist: Gramscian-Marxist Influence on American Anthropology // The Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2009. № 34 (2). P. 208–243.
- Bullert G. The Committee for Cultural Freedom and the Roots of McCarthyism // Education and Culture. 2013. № 29 (2). P. 25–52.
- Doenecke J. Storm on the Horizon: The Challenge to American Intervention. New York: Roman & Littlefield, 2000.
- Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902 / eds by W. Fitzhugh, I. Krupnik. Washington: Smithsonian, 2001.
- Goldfrank E. Notes on an Undirected Life. Flushing, NY: Queens College Press, 1978.
- Hook S. Out of Step. New York: Carroll & Graf Publishers, Inc., 1987.
- Hyatt M. Franz Boas Social Activist. Westport: Greenwood Press, 1990.
- Jonas M. Isolationism in America, 1935–1941. Ithaca: Cornell University Press, 1966.
- Jochelson, Bogoras and Shternberg / ed. by E. Kasten. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2018.
- Kan S. Lev Shternberg, Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.
- Kuznick P. Beyond the Laboratory: Scientists as Political Activists in 1930s America. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Krupnik I. Jesup Genealogy: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic / North Pacific Anthropology. Part I. From Jesup Expedition to the Cold War // Arctic Anthropology. 1998. Vol. 35 (2). P. 199–226.
- Krupnik I. Waldemar Bogoraz and the Chukchee: A Maestro and a Classic Ethnography // Jochelson, Bogoras and Shternberg / ed. by E. Kasten. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2018. P. 131–168.
- Lewis H. The Passion of Franz Boas // American Anthropologist. 2001. № 103 (2). P. 447–467.
- Liss J. Franz Boas on War and Empire: The Making of a Public Intellectual // The Franz Boas Papers. Vol. I. Franz Boas as Public Intellectual – Theory, Ethnography, Activism / ed. by Regna Darnell et al. Lincoln: University of Nebraska Press, 2015.
- Lyons E. The Red Decade. New Rochelle: Arlington House, 1971.
- Mead M. An Anthropologist at Work: Writings of Ruth Benedict. Boston: Houghton Mifflin, 1959.
- Romerstein H., Breindel E. The Venona Secrets: Exposing Soviet Espionage and American Traitors. New York: Simon and Schuster, 2001.
- Shternberg L. The Social Organization of the Gilyak / ed. by B. Grant. Anthropological Papers Of The American Museum of Natural History. 1999. № 82.
- Spitzer A. John Dewey, the “Trial” of Leon Trotsky and the Search for Historical Truth // History and Theory. 1990. № 29 (1). P. 16–37.

- The Shaping of American Anthropology, 1883–1911: A Franz Boas Reader* / ed. by G. Stocking. New York: Basic Books, 1974.
- Stocking G. Anthropology as Kulturkampf: Science and Politics in the Career of Franz Boas* // Stocking G. *The Ethnographer's Magic and Other Essays*. Madison: University of Wisconsin Press, 1992. P. 92–113.
- Wald A. New York Intellectuals: the Rise and Decline of the Anti-Stalinist Left from the 1930s to the 1980s*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1987.
- Walker S. Communists and Isolationism: The American Peace Mobilization, 1940–1941* // *The Maryland Historian*. 1973. № 4. P. 1–12.
- Zumwalt R. Franz Boas: the Emergence of the Anthropologist*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019.

Источники

FBP – Franz Boas Papers. American Philosophical Society Digital Collection.

SHP – Sidney Hook Papers, Hoover Institute.

СПФ – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; фонд 282 (Л. Я. Штернберга); фонд 250 (В.Г. Богораза).

Статья поступила в редакцию 4 октября 2020 г.

Franz Boas and Soviet Russia: 25 years of ambivalence

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/31/4

Sergei A. Kan, Dartmouth College (Hanover, USA). E-mail: Sergei.a.kan@dartmouth.edu

Abstract. The article deals with the attitude of Franz Boas towards the Soviet Union and his relationship with Russian/Soviet colleagues. Using published sources as well as Boas's unpublished correspondence, the author examines the following topics: Boas's scholarly cooperation and friendship with Vladimir I. Jochelson, Lev Ya. Shternberg and especially Vladimir G. Bogoraz; Boas's attitudes towards the tsarist and the Soviet regimes; his efforts to organize regular graduate student exchange between the USA and the USSR as well as joint scientific projects by scholars from the two countries. The article demonstrates that despite his dislike of the Soviet government's methods and ideological pressure on science (including ethnology) Boas tried not to criticize the Soviet Union publicly. Yet, he did criticize it privately, the reason for that lying in his liberal-socialist views and his fear of ending up in the camp of anticommunists. Towards the end of life Boas's close relationship with the American Communist party had a strong influence on his view of the USSR.

Keywords: history of ethnology, Franz Boas, Vladimir G. Bogoraz, US scientists' attitudes towards the USSR, Stalinism, Communist party USA, World War II

References

- Anonim. Ot redaktsii [From the Editorial Board]. *Sovetskaiia Etnografiia*, 1933, no. 4-5, pp. 176.
- Arziutov D., Alymov S., Anderson D. (red.). *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvyy i Leningrada (5-11 apreliia 1929 g.)*. St. Petersburg: Kunstkamera, 2014.
- Bogoraz V. Zamechaniia k stat'e Frantsa Boasa [Notes on the article by Franz Boas]. *Sovetskaiia Etnografiia*, 1933, no. 3-4, pp. 189–193.
- Vakhtin N. "Nauka i zhizn'": sud'ba Vladimira Iokhel'sona (Po materialam ego perepiski 1897–1934 gg.) ['Science and life: The fate of Vladimir Jochelson (based on his corre-

- spondence dated 1897 to 1934)']. *Bulletin: Anthropology, Minorities, Multilingualism*, 2004, no. 5, pp. 35–49.
- Vakhtin N. Tikhookeanskaia Ekspeditsiia Dzhesupa i ee russkie uchastniki [The Jesup North Pacific Expedition and its Russian participants]. *Antropologicheskii forum*, 2005, no. 2, pp. 241–274.
- Kan S. «Moi drug v tupike empirizma i skepsisa»: Vladimir Bogoraz, Frants Boas i politicheskii kontekst sovetskoi etnologii v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh gg. [My old friend in a dead-end of empiricism and skepticism: Bogoraz, Boas, and the politics of Soviet anthropology of the late 1920s and early 1930s]. *Antropologicheskii forum*, 2007, no. 7, pp. 191–230.
- Korsun S. *Amerikanistika v Kunstkamere (1714–2014)* [American Studies and the Kunstkamera, 1714 to 2014]. St. Petersburg: MAE RAN, 2015.
- Kuznetsov I. «Posledniaia ekspeditsiia» (iz istorii russko-amerikanskogo sotrudnichestva v izuchenii korennykh malochislennykh narodov) ['Last Expedition' (From the history of US-Russian collaboration in the study of indigenous peoples)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 3, pp. 53–69. DOI 10.7868/S0869541518030053
- Mikhailova E. Vladimir Germanovich Bogoraz: uchenyi, pisatel', obshchestvennyi deiatel' [Vladimir Germanovich Bogoraz: Scientist, author, public figure]. In: Tishkov V.A. i D.D. Tumarkin (red.) *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Russia's outstanding ethnologists and anthropologists of the twentieth century]. Moscow: Nauka, 2004, pp. 95–136.
- Nitoburg E. Iu.P. Petrova-Averkiova: uchenyi i chelovek [Petrova-Averkieva: Scientist and human being]. In: Tumarkin D.D. (red.) *Repressirovannye etnografy* [Repressed ethnographers]. 2003, Vol. 2, pp. 399–428.
- Rezoliutsiia vserossiiskogo arkhologo-etnograficheskogo soveshchaniia [The resolution adopted at the Russian National Archaeology and Ethnography Meeting]. *Sovetskaia etnografiia*, 1932, no. 3(11).
- Solovei T. «Korennoi perelom» v otechestvennoi etnografii (diskussii o predmete etnologicheskoi nauki: konets 1920-kh – nachalo 1930-x) [A 'turning point' for Russian ethnography: Discussion on the subject of ethnology in the late 1920s and the early 1930s]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2001, no. 3, pp. 101–121.
- Boas, F. An Anthropologist's Credo, *Nation*, 1938, no. 147, pp. 201–204.
- Boas, F. Britain's War Aims?, *PM*, 4/10/1940. pp. 2.
- Boas, F. *Race and Democratic Society*. New York: J.J. Augustin, 1945.
- Bullert, G. *The Politics of John Dewey*. New York: Prometheus Books, 1983.
- Bullert, G. Franz Boas as Citizen-Scientist: Gramscian-Marxist Influence on American Anthropology, *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2009, no. 34(2), pp. 208–243.
- Bullert G. The Committee for Cultural Freedom and the Roots of McCarthyism, *Education and Culture*, 2013, no. 29(2), pp. 25–52.
- Doenecke, J. *Storm on the Horizon: The Challenge to American Intervention*. New York: Roman & Littlefield, 2000.
- Fitzhugh, W. and I. Krupnik, eds. *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902*. Washington: Smithsonian, 2001.
- Goldfrank E. *Notes on an Undirected Life*. Flushing, N.Y.: Queens College Press, 1978.
- Hook, S. *Out of Step*. New York: Carroll & Graf Publishers, Inc., 1987.
- Hyatt, M. *Franz Boas Social Activist*. Westport: Greenwood Press, 1990.
- Jonas, M. *Isolationism in America, 1935–1941*. Ithaca: Cornell University Press, 1966.
- Kan, S. *Lev Shternberg, Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.
- Kasten, E., ed. *Jochelson, Bogoras and Shternberg*. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2018.

- Kuznick, P. *Beyond the Laboratory: Scientists as Political Activists in 1930s America*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Krupnik, I. Jesup Genealogy: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic/North Pacific Anthropology. Part I. From Jesup Expedition to the Cold War. *Arctic Anthropology*, 1998, Vol. 35(2), pp. 199–226.
- Krupnik, I. Waldemar Bogoraz and the Chukchee: A Maestro and a Classic Ethnography. In: Kasten, E., ed. *Jochelson, Bogoraz and Shternberg*. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien. 2018, pp. 131–168.
- Lewis, H. The Passion of Franz Boas. *American Anthropologist*, 2001, no. 103(2), pp. 447–467.
- Liss, J. Franz Boas on War and Empire: The Making of a Public Intellectual. In: *The Franz Boas Papers. Vol. I. Franz Boas as Public Intellectual – Theory, Ethnography, Activism*. Ed. By Regna Darnell et. al. Lincoln: University of Nebraska Press, 2015.
- Lyons, E. *The Red Decade*. New Rochelle: Arlington House, 1971.
- Mead, M. *An Anthropologist at Work: Writings of Ruth Benedict*. Boston: Houghton Mifflin, 1959.
- Romerstein, H., Breindel, E. *The Venona Secrets: Exposing Soviet Espionage and American Traitors*. New York: Simon and Schuster, 2001.
- Shternberg, L. *The Social Organization of the Gilyak*. Ed. by B. Grant. Anthropological Papers Of The American Museum of Natural History, 1999. no. 82.
- Spitzer, A. John Dewey, the “Trial” of Leon Trotsky and the Search for Historical Truth. *History and Theory*, 1990, no. 29(1), pp. 16–37.
- Stocking, G., ed. *The Shaping of American Anthropology, 1883–1911: A Franz Boas Reader*. New York: Basic Books, 1974.
- Stocking, G. Anthropology as Kulturkampf: Science and Politics in the Career of Franz Boas. In: Stocking, G. *The Ethnographer's Magic and Other Essays*. Madison: University of Wisconsin Press, 1992, pp. 92–113.
- Wald, A. *New York Intellectuals: the Rise and Decline of the Anti-Stalinist Left from the 1930s to the 1980s*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1987.
- Walker, S. Communists and Isolationism: The American Peace Mobilization, 1940–1941. *The Maryland Historian*, 1973, no. 4, pp. 1–12.
- Zumwalt, R. *Franz Boas: the Emergence of the Anthropologist*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019.